

Э.А. ТОМПСОН

ГУННЫ

ГРОЗНЫЕ ВОИНЫ СТЕПЕЙ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Эдвард Томпсон

Гунны. Грозные воины степей

«Центрполиграф»

1948

УДК 820
ББК 63.3(0)31

Томпсон Э. А.

Гунны. Грозные воины степей / Э. А. Томпсон —
«Центрполиграф», 1948 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5489-7

Гунны — первое известное государственное объединение кочевых тюркоязычных народов. Что заставило эти племена объединиться? Какими они были? Чем руководствовались римляне в торговых отношениях с гуннами? Автор отвечает на эти и многие другие вопросы, исследует материальную организацию и социальную структуру гуннского общества до Аттилы и подвергает анализу то, что было сделано этим вождем, вошедшим в анналы мировой истории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 820
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5489-7

© Томпсон Э. А., 1948
© Центрполиграф, 1948

Содержание

Введение	9
Глава 1	11
1	12
2	13
3	15
4	16
5	19
Глава 2	20
1	20
2	24
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдвард А. Томпсон

Гунны

Грозные воины степей

Edward A. Thompson
The Huns

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

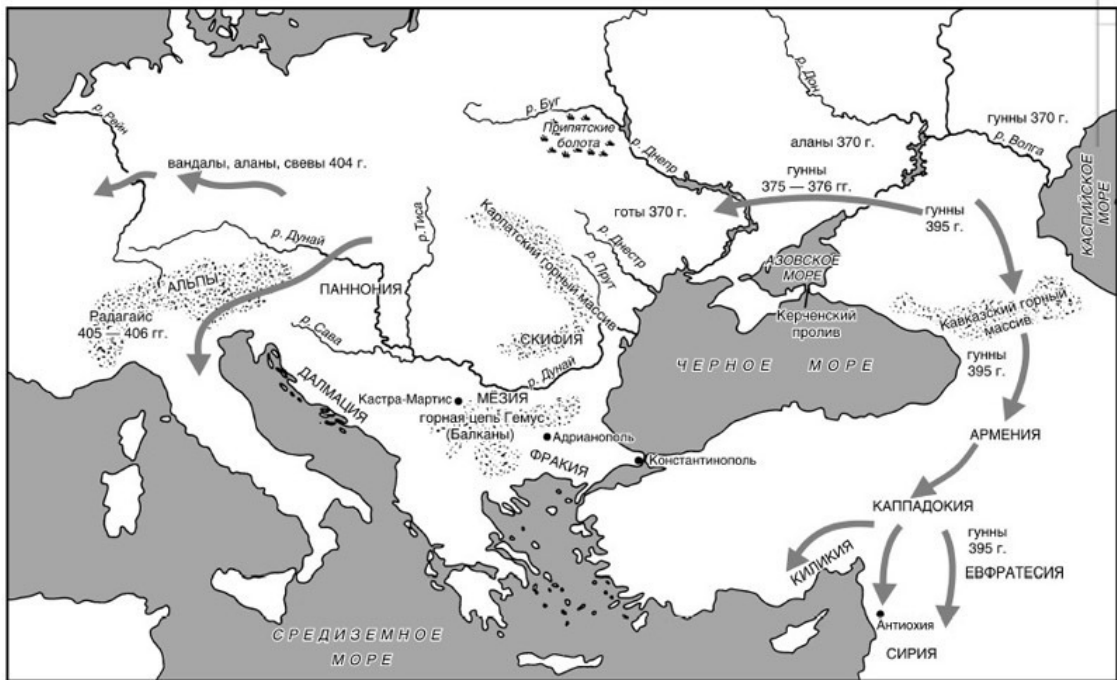
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

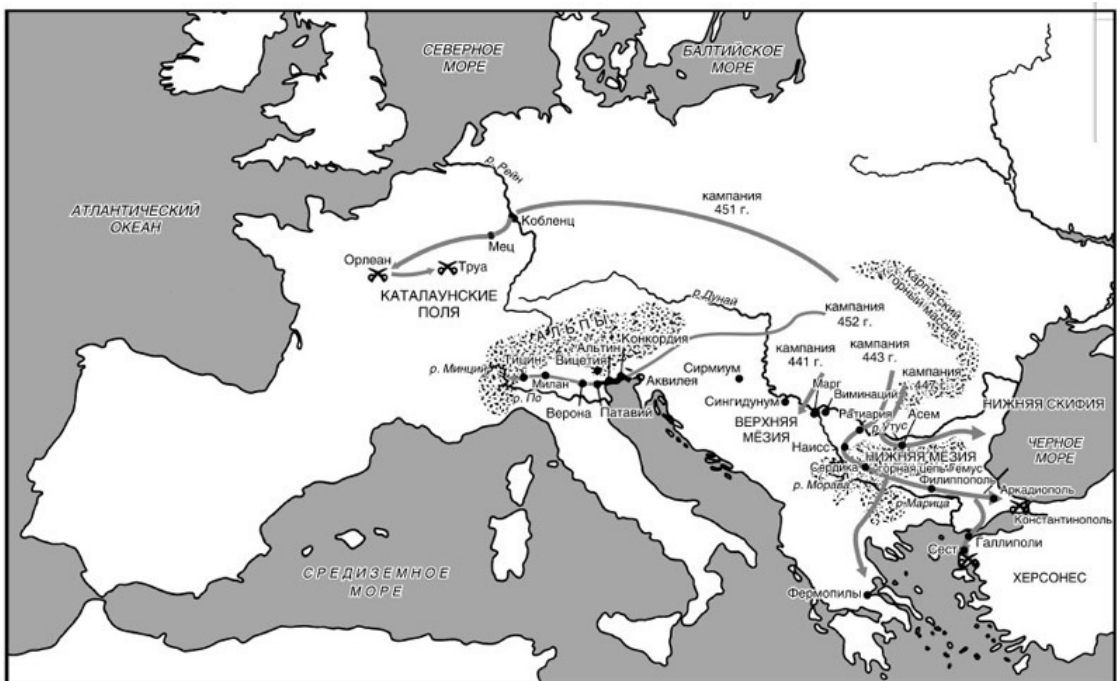
***

Карта 1. Гунны до Атиллы

Карта 2. Кампания Атиллы, воссозданная Э. А. Томпсоном

Введение

Ученый, изучающий историю Римской империи и решивший написать историю гуннов, должен начать с признания, что предлагает историю, которая не имеет ни начала, ни конца. Такая история должна начинаться с вопроса: надо ли отождествлять гуннов с сюнну, которых так часто упоминаются в китайских хрониках? Этот вопрос обсуждается с тех пор, как французский ученый профессор Дегинь впервые предложил идентифицировать гуннов с сюнну. Но Дегинь жил в XVIII веке, когда не существовало многих наук, с которыми в настоящее время история должна считаться. Однако не все авторитетные источники склонны принять эту версию. Противники теории родственности сюнну и гуннов часто в качестве возражения приводят слова Бюри о том, что тот, кто поддерживает эту теорию, основывается на полете фантазии, а не на фактах. Во всяком случае, пока специалисты не пришли к общему мнению, человеку, изучающему историю Римской империи, настоятельно рекомендуется ничего не говорить о сюнну.

В конце книги мы обсудим так называемую «легенду Аттилы». Почему никогда не забывают того, кого называли «бичом Божьим»? Почему восточные римляне называли гуннами каждую последующую волну свирепых варваров, обрушивающуюся на них с северо-востока? Почему мы сами, когда хотим облить грязью наших врагов, называем их именем этих кочевников, которые жили в невероятно тяжелых условиях полторы тысячи лет назад? Ответ на эти вопросы можно найти при изучении германской саги, средневековой и современной литературы. Надо отметить, что дискуссии по этому вопросу в основном велись венгерскими учеными на родном языке, а венгерский язык, как и китайский, не по силам многим известным ученым.

В этой книге нам придется довольствоваться, как это делали некоторые римляне, тем, что история гуннов начиналась не в Монголии, а у рек Кубань и Дон, и признаться, что нам ничего не известно о гуннах до конца IV столетия, когда они напали на остготов (остроготов). Наша история закончится крахом империи Аттилы. Правда, гунны еще сражались в армиях Юстиниана, но в VI веке они уже не играли особой роли и вскоре растворились в основном населении Европы, или их заменили другие так называемые гунны, которые постоянно двигались через степь на запад. Нам нечего сказать и об Этцеле.

С учетом этих оговорок книга строится следующим образом. В 1-й главе дается краткое изложение основных источников, из которых мы получаем сведения о гуннах. Во 2-й и с 4-й по 6-ю главы рассказывается о дипломатических отношениях гуннов с римлянами, о победах и поражениях гуннов в войне. Об этом писали многие английские авторы, но они не давали полной информации о гуннах. Эдвард Гиббон в своей книге «Упадок и разрушение Римской империи» в главах о V столетии далек от того, чтобы считаться лучшим. Ходжкин в книге «Италия и ее захватчики» рассказал самую полную историю гуннов, но его работа, хотя и представляет огромную ценность, на данный момент уже устарела. Последующие авторы, такие как Бюри, авторы «Кембриджской средневековой истории» и другие, воссоздают более или менее полную историю гуннов, но их основной целью является история Римской империи, а описание жизни Аттилы отходит на второй план. Таким образом, эти главы не будут лишними. В них сделана попытка рассказать историю гуннов намного подробнее, чем это было сделано в других работах. Мы приводим полный, хотя и недоказательный, отчет о посольстве Максимиана к Аттиле, но у нас почти нет сведений о вторжении гуннов в 447 году и никакой информации о причинах этого вторжения.

В заключительной части книги я пытаюсь ответить на вопросы, возникающие в процессе чтения. Почему гунны действовали именно так, а не иначе? Как они смогли достичь таких высот? Какими они были? Ответам на эти вопросы я посвятил 3-ю и 7-ю главы, сделав попытку исследовать материальную организацию и социальную структуру гуннского общества. Сразу становится ясно, насколько изменилось гуннское общество с того времени, к которому отно-

сятся источники, из которых черпал свою информацию Аммиан Марцеллин, до времени появления Приска Панийского¹ в лагере Аттилы. Если мы хотим представить общество, созданное Аттилой, мы должны понять, каким оно было до того, как во главе его стал Аттила. Ни одно человеческое сообщество не бывает статичным; гуннское общество было более динамичным, чем большинство. Я уверен, что до настоящего времени не было предпринято попыток подробно изложить социальную историю гуннов, и боюсь, что читатель обнаружит больше недостатков, а точнее, нехватки информации, в 3-й и 7-й главах, чем в остальной книге.

Мы стремились понять, чем объясняется поведение римлян в торговых отношениях с гуннами. Как оценить политику Феодосия II с Хрисафием (Хрисанфием) и Маркиана в отношении новых захватчиков? Современные историки от Тиллемона² и Гиббона³ до Бюри и Эрнста Штайна осуждали Феодосия II за слабость и бесхарактерность и превозносили Маркиана, называя его защитником, на которого можно положиться.

Но если мы поймем сущность гуннского общества, если обратим внимание на очевидное социальное деление, существовавшее в Восточной Римской империи, если, наконец, поймем, что Приск был пристрастным и предубежденным писателем, тогда, я полагаю, мы придем к другому выводу. Феодосий II провел Восточную Римскую империю через один из сильнейших штормов V столетия лучшим и самым разумным курсом, известным ему. Маркиану очень повезло. Когда он взшел на трон, обстоятельства изменились, и возникла совершенно иная ситуация. Гунны интересны сами по себе, но еще интереснее их отношения с римлянами. Читатель найдет в этой книге несколько общих высказываний о гуннах и предположительные выводы о влиянии их появления на Дунае и Рейне на ход европейской истории.

Эта книга предназначена в первую очередь для людей, интересующихся историей Римской империи.

---

¹ *Приск Панийский* (V в.) – византийский дипломат и историк. Выполнял дипломатические поручения византийских императоров. Автор сочинения «История Византии и деяния Аттилы». (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.*)

² *Тиллемон* (1637–1698) – французский церковный историк, аббат, большой знаток древних авторов, и его труды представляют собой наиболее полную сводку фактического материала о римских императорах, их внешней и внутренней политике.

³ *Гиббон* Эдуард (1737–1794) – знаменитый английский историк, всецело посвятил себя изучению римской истории. Сочинение, обессмертившее имя Гиббона, «История упадка и разрушения Римской империи», охватывает период с конца II в. н. э. (правление Коммода) до падения Константинополя в 1453 г. (первоначально Гиббон планировал довести свой труд до падения Западной Римской империи, но потом расширил его, прибавив к трем уже вышедшим томам еще три).

Глава 1

Источники

Когда гунны впервые переправились через Керченский пролив в Крым и влились в поток европейской истории, они были неграмотными. И когда они, в конце концов, затерялись в суматохе V–VI столетий, они по-прежнему были неграмотными. Песни, которые слышал Приск, когда гунны пели в освещенном факелами пиршественном зале, песни, в которых прославлялись боевые подвиги Атиллы, со временем, возможно, превратились бы в эпические памятники, повествующие об их победах.

Конечно, остготы, среди которых гунны жили долгое время, имели весьма смутные воспоминания о собственной ранней истории, почерпнутые из старинных песен о подвигах предков, которые они исполняли в почти повествовательной манере под аккомпанемент арфы. Но гунны исчезли так быстро, что даже если они начали слагать эпические поэмы, но все равно не записывали их, и не осталось никого, кто бы мог исполнять эти песни. В действительности гунны не имели представления о своем происхождении и мало что могли рассказать римским путешественникам.

1

Древние народы оставляют после себя не только эпические поэмы, сказания, но и другие свидетельства. Однако сообщество гуннов по своей природе было таким, что мы не можем рассчитывать на обнаружение большего числа их следов, проводя археологические исследования. В степи в условиях кочевой жизни человек мог переносить с собой весьма ограниченное количество материалов – железа, дерева, текстиля, поскольку постоянно двигался от пастбища к пастбищу. Только поселившись у источника ресурсов, он мог получить их в большом количестве, а для этого ему пришлось бы отделиться от сообщества, частью которого он являлся. Степные кочевники по большей части использовали предметы обихода, приобретенные путем обмена или грабежа; сами кочевники не занимались ручным трудом. «Не думаю, – пишет Миннс, – что кочевники сами работали с металлом. Работа по металлу была уделом рабов, покоренных народов», и трудно представить кого-то из приспешников Аттилы, тратящего время на художественную работу по металлу. Однако нет никакой причины, почему бы кочевнику не иметь с собой какой-то инструмент и небольшое количество материалов. У кочевника более свободный доступ к источникам сырья, чем, скажем, у кузнеца, ведущего оседлый образ жизни. Но дело в том, что кочевник изготавливал только при крайней необходимости очень небольшое количество изделий, которые оставили еле заметный след в археологических источниках.

Действительно было найдено несколько предметов, которые археологи с уверенностью приписывают кочевым народам, хлынувшим в Европу в древние и Средние века. К сожалению, уровень современной науки не дает возможности сказать, были ли эти предметы привезены в степь, а если нет, то можно ли часть из них приписать гуннам. В 1932 году вышел в свет серьезный труд профессора Алфельди под названием «Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung», в котором автор утверждал, что по крайней мере четыре группы предметов можно считать принадлежностью гуннов. В 1935 году другой венгерский ученый, Золтан, заявил, что предметы, которые Алфельди определил как гуннские, в действительности являются римскими предметами, вывезенными из империи и известными также по раскопкам в Унтерзибенбруне⁴, в Нормандии и на юге России.

Недавние открытия и тщательное изучение предметов, на которые ссылается Алфельди, внесло столько неясностей в изучаемый вопрос, что опытный археолог, если бы взялся писать о гуннах, едва ли смог извлечь какую-нибудь пользу из обнаруженных находок. И конечно, что уж говорить о тех, кто никогда тщательно не исследовал чайник, найденный в Малой (Западной) Валахии, и для которых Ходмезёвашархей⁵ ничего не говорящее название.

Гунны не чеканили монет, поэтому можно было с уверенностью предположить, что вряд ли удастся обнаружить большое количество нумизматических находок. Так на самом деле и произошло, но римские монеты, найденные в различных районах, где господствовали кочевники, похоже, позволяют сделать пару выводов. Однако эти выводы всего лишь предположения и служат только незначительным подтверждением имеющихся письменных свидетельств.

⁴ Унтерзибенбрун – поселок в Австрии, в федеральной земле Нижняя Австрия.

⁵ Ходмезёвашархей – город на юго-востоке Венгрии в долине реки Тиса, где во время раскопок был обнаружен клад золотых римских монет весом 6 кг.

2

Совершенно ясно, что, изучая историю гуннов, мы можем полагаться исключительно на свидетельства греческих и римских путешественников и историков.

Очень может быть, что, когда гунны в семидесятых годах IV века начали двигаться в западном направлении, Аммиан Марцеллин⁶ уже решил написать историю своего времени. Во всяком случае, когда он написал свою тридцать первую книгу приблизительно в 395 году, он счел нужным написать о новоприбывших и дал их описание⁷.

До Марцеллина не появлялось трудов, сопоставимых по масштабу с его «Историей», так что у нас не должно быть никаких сомнений в том, что его описание гуннов есть нечто большее, чем по-новому сформулированные уже известные факты.

Итак, этот труд вышел из-под руки хорошо известного, получившего признание историка. Недостатком, если уж быть до конца честным, является то, что Аммиан, по всей видимости, никогда в жизни не видел гунна и не мог полагаться на собственные наблюдения. Следовательно, страницы его «Истории», посвященные гуннам, суммируют информацию, полученную из вторых рук – от военных, гражданских чиновников и других лиц, входивших в непосредственный контакт с неизвестными варварами. Его источники вполне могли ошибаться, и, хотя Аммиан, несомненно, считал их столь же надежными, как и тех, кто давал ему информацию по остальным разделам его «Истории», описания гуннов не всегда соответствуют действительности. Взять, к примеру, его заявление о том, что гунны питаются сырым мясом, которое они кладут на спины коней под свои седла и дают ему немного попреть. Теперь уже ясно, что это выдумка (подобные вещи проделывали и воины князя Святослава, после чего мясо слегка обжаривалось на углях. Автор далек от полевого быта. – *Ред.*), хотя в нее долго верили, как и в подобные рассказы о татарах во времена Тамерлана. Но это не преднамеренное искажение действительности; информаторы Аммиана Марцеллина были введены в заблуждение обычаями степных кочевников, природа которых получила объяснение сравнительно недавно.

⁶ Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 395 н. э.) – величайший историк поздней Римской империи, по происхождению грек, родился в Антиохии (Сирия). Принимал участие в персидской кампании императора Юлиана в 363 г. Известно, что Аммиан посетил Грецию и Египет, в 371 г. вернулся в Антиохию, а вскоре после 378 г. поселился в Риме, где и находился до конца жизни. В Риме Аммиан написал историю Римской империи от царствования Нервы (96–98 гг. н. э.) до битвы при Адрианополе (378 г. н. э.). Таким образом, его сочинение продолжает историю Рима с момента, которым завершил свою «Историю» Тацит. Хотя Аммиан называет себя греком и греческий был его родным языком, писал он на латыни, поскольку предназначал свой труд для читателей-римлян. Благодаря своей «Истории», включавшей 31 книгу, Аммиан заслужил авторитет у современников как в Риме, так и в Антиохии.

⁷ 1. ...Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко изрезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся нарезках, то они доживают свой век до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо обтесанным наподобие человека чурбанам, какие ставятся на концах мостов. 3. При столь диком безобразии в них человеческого образа, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои седла и дают ему немного попреть. 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания... У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша... Тело они прикрывают льняной одеждой или же сшитой из шкурок лесных мышей. 6. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют... Когда приходится совещаться им о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути... 8... В бой они бросаются, построившись клином, и издают они при этом грозный вызывающий крик... Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь... 10. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... (Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1996).

Аммиана обвиняли в более серьезном прегрешении. Ему нравилось вставлять в свой текст фразы и предложения, взятые у предыдущих авторов, и поскольку такие «вставки» встречаются в главе, о которой идет речь, был сделан вывод, что Аммиан «был сторонником традиционного изображения скифов и в целом северных варваров». Он использовал не только избитые эпитеты, говоря о гуннах; он приводил описание внешности и поведения гуннов в качестве свидетельства их дикости и жестокости. Аммиан приписывает гуннам качества, которые Помпей Трог⁸ использовал в отношении скифов, и даже приписывает им черту, которую Тит Ливий⁹ считал чисто африканской.

Все это так, но какой вывод мы можем сделать на основании вышесказанного? Однако не следует спешить с обвинениями в адрес историка, ведь многие кочевые племена имели сходные обычаи и внешние признаки. Аммиан честный автор, и в тех случаях, когда у него не хватает информации или она оказывается ложной, к примеру в попытке решить вопрос о происхождении гуннов, он не боится откровенно признаться в этом. Кроме того, он предпринимал титанические усилия, стараясь получить самую точную информацию о народах и областях, описываемых в книге, используя сведения, прочитанные в других книгах, и собственные наблюдения. Нет ни малейшей причины считать, что его мнение о гуннах целиком отрицательное и, оставаясь равнодушным к этому вопросу, он не стремился к особой точности изложения. Вставки, возможно, не выдерживают критики с точки зрения литературного стиля и стилистики, но в данном случае для историка они не играют никакой роли. Аммиан дает яркое описание гуннов, хотя и неполное, как мы увидим дальше. М. Ростовцев подтверждает это мнение, заявляя, что Аммиан Марцеллин дал «точное, абсолютно реалистичное описание их образа жизни».

В данной книге утверждения Аммиана будут считаться убедительными, кроме редких случаев (как в примере с сырым мясом), где можно доказать их ошибочность.

---

⁸ *Помпей Трог* (I в. до н. э. – I в. н. э.) – римский историк, автор всемирной истории от легендарных ассирийских царей до Римской империи Августа; под названием «История Филиппа» (в 44 книгах) дошла до нас в кратком изложении (сокращение Юстина и «Прологи»).

⁹ *Тит Ливий* (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – древнеримский историк. Жил и работал в Риме, пользовался покровительством императора Августа. Автор «Истории Рима от основания города», в которой погодно изложена вся история Рима от легендарного основания города до 9 г. до н. э. Из 142 книг «Римской истории» сохранилось 35 (описание событий до 293 г. до н. э. и 218–168 гг. до н. э.); содержание остальных книг известно по кратким изложениям и так называемым извлечениям позднейшего времени.

3

Информация, содержащаяся в «Истории» Аммиана, имеет отношение к обществу гуннов, которое существовало с 376 года, когда гунны впервые вошли в контакт с остготами, и до 395 года, когда Аммиан издал последнюю часть своей «Истории». Как нам известно, первым путешественником, описавшим свое посольство к гуннам, был Олимпиодор¹⁰ из египетских Фив. В 412 году к королю гуннов Донату из Константинополя был направлен послом Олимпиодор, который спустя несколько лет написал историю своего времени, включив в нее описание своей деятельности и, очевидно, посольство к гуннам. К сожалению, до нас не дошел оригинал сочинения Олимпиодора, который, безусловно, пополнил бы наши знания о кочевниках.

В своей работе он, возможно, показал пристрастное отношение в изложении некоторых спорных эпизодов внутренней римской истории, но у него была страсть к статистике и географической и хронологической точности изложения событий, и он обладал умением тонко ощущать социальные различия. Даже в дошедших до нас фрагментах мы можем обнаружить следы его точной терминологии. Он проводит четкое различие между военным командующим союза варварских племен и военачальником отдельного племени, называя первого правителем, а второго королем; дальше у нас еще возникнет проблема с королями гуннов. Кроме того, Олимпиодор был хорошо знаком с делами Западной Римской империи и обладал глубоким знанием латыни. Это очень важные факты, поскольку в годы с 407 по 425, которые Олимпиодор охватывает в своей работе, гунны обращали свое внимание в большей степени на Западную, чем на Восточную империю. Теперь становится понятным, что, если бы труд Олимпиодора сохранился, он представлял бы огромную ценность. Однако нам не следует довольствоваться только довольно кратким пересказом его описаний гуннов, который сохранил для нас Фотий. К счастью, Зосим¹¹ и церковный историк Созомен¹² активно использовали труд Олимпиодора, поэтому часть их рассказов имеет чрезвычайно важное значение, поскольку почерпнуты из столь талантливой источника.

Однако следует помнить, что Зосим также использовал труды Евнапия¹³, который был наделен более чем полагается одному человеку недостатками.

Следовательно, мы должны с особой тщательностью проводить различие между теми частями работы Зосима, которые основываются на сочинении Евнапия, и теми, в которых он пересказывает Олимпиодора.

---

¹⁰ *Олимпиодор* – историк, приближенный императора Гонория. Его трудом, который состоял из 22 книг, интересовался крупнейший книжник своего времени, знаменитый патриарх Фотий (ок. 820–891), который и передал нам произведение Олимпиодора в виде своих тщательно сделанных записей, точнее, выборок.

¹¹ *Зосим* – позднеимперский историк (конец V в.). Автор «Новой истории» (в 6 книгах, написана около 498 г.), в которой кратко изложена история Римской империи от Августа до взятия Рима Аларихом I (410 г.).

¹² *Созомен* – греческий церковный историк. Его «Церковная история» охватывает период с 323 по 439 г.

¹³ *Евнапий* (ок. 347 – ок. 420) – византийский историк и софист. Учился в лидийском городе Сарды у неоплатоника Хрисанфия, будущего воспитателя императора Юлиана Отступника, продолжал обучение в Афинах у христианина Проэресия. Написал историческую хронику, прослеживающую события до начала V в., центральное место в ней отведено правлению императора Юлиана, которому дана высокая оценка. В то же время Евнапий критиковал деяния Константина Великого, называя его «врагом и убийцей философов» в своем труде «Жизнеописания софистов».

4

Последний посетивший гуннов человек, который представляется нам наиболее важным для изучения Аттилы, это Приск Панийский, но для понимания его «Истории» нам необходимо прояснить пару фактов, касающихся обстоятельств, в которых греческие историки создавали свои труды. Их книги были предназначены только для узкого круга образованных людей, и, по причинам, о которых мы скажем позже, эти образованные читатели рассчитывали, что сочинения будут соответствовать определенным канонам. Во времена Приска в прозаических произведениях не допускалось использование выражений из обычной разговорной речи. Считалось, что, в частности, упоминание технических терминов наносит вред высокому стилю. Заслуга Олимпиодора состоит в том, что он пренебрег принятым правилом и смело написал, к примеру, о королях гуннов. К сожалению, Приск не последовал за Олимпиодором, а потому внес элемент неопределенности в свою работу, которая понравилась нам намного больше, если бы была более конкретной.

С другой стороны, цитаты из классических авторов считались признаком хорошего стиля, и в этом Приск преуспел в полной мере. Когда его подводила информация – а это касается особенно случаев, имевших отношение к перемещению племен и ходу военных операций, – он вставлял в свою работу фразы и предложения, взятые из произведений популярных авторов, которые позволяли ему преодолевать трудности, возникавшие на пути повествования. Из этого не следует, что каждая заимствованная фраза, найденная в его работе, скрывает факт или ряд фактов, которые историк был не в состоянии найти у своих источников или в документах, которые бы мог использовать. Однако описания осады Наисса, причина перемещений степных племен и так далее, показывают, что в его работе существует много слабых мест. Читатель обратит внимание на резкий контраст с манерой Аммиана. Вставки в работах Аммиана не что иное, как свойственный ему литературный стиль: он знал, что хочет сказать, но не знал, как это выразить, и обращался за помощью к Ливию и Тациту. В то время как Приск цитировал Геродота, когда ему уже совсем нечего было сказать.

Некоторые из его вставок ввели в заблуждение современных историков. В связи с этим существует распространенное мнение, что в IV и начале V века не все гунны как единое целое двинулись в западном направлении и подчинили готов, а только «королевские» семьи гуннов. Алфельди, к примеру, пишет: «Здесь (в Валахии в 380 году) приток людей в целом приостановился; только правящий клан перемещался в западном направлении в течение последующих тридцати лет и в результате этого движения вошел в прямой контакт с Западной Римской империей». Теперь единственным свидетельством этой точки зрения является повторение фразы «царские скифы» у Приска. Чрезвычайно опасно основывать теорию на этой фразе. Конечно, это просто вставка, косвенно позаимствованная у Геродота, и, заглянув к Зосиму, можно понять, что Евнапий первым предложил отождествлять гуннов Центральной Европы с «царскими скифами» по Геродоту. То, что это определение есть у Приска, не что иное, как его *литературный* долг по отношению к Евнапию и Геродоту. Приск использует эту фразу только в отношении Аттилы и Бледы и их заместителей, но никогда в качестве собирательного термина в отношении всех гуннов Центральной Европы.

Однако использование Приском термина «скиф» не внесло никакой путаницы в современные труды, и в этом, я уверен, заслуга Бюри.

Бюри показал, что есть различие между используемыми Приском терминами «скиф» и «гунн». «Скиф» – общее обозначение всех кочевников, а поскольку многие кочевые народы объединились под Аттилой, был найден очень удобный термин для их определения. Итак, гунны были скифами, но не все скифы были гуннами. Однако большинство ученых не признает подобного разграничения и употребляет термин «гунн» в отношении всех без разбору

северных кочевых варваров. Однако это свидетельствует о неправильном понимании канонической историографии во времена, когда писал Приск. В то время термин «гунн» еще не был в ходу у классических историков. Термин считался новым варварским названием, которого историки избегали, если это было возможно, стараясь не использовать в своих сочинениях. Позже, когда работы Приска стали, в свою очередь, классикой, мы находим историков, которые использовали термин «гунн», так же как Приск термин «скиф». Это стало возможным после долгого употребления этих терминов, когда слово «гунн» стало известно каждому читателю, и появились новые, необычные названия, такие как турок, хазар, печенег и тому подобные, которые не рекомендовалось упоминать. В таком случае нам придется предположить, что, когда Приск говорит «гунн», он имеет в виду это рассуждение, и, соответственно, мы не можем следовать за теми многочисленными учеными, которые считают, что акациры не были гуннами и что Эдеко (Эдикон) был германцем, несмотря на противоположное утверждение Приска. (В V веке хазары, как считает Приск, принадлежали к империи гуннов и назывались акациры¹⁴.)

Из каких источников Приск черпал информацию? Нам не известно, была ли у него возможность использовать в своем сочинении документы прошлого. По словам Эвагрия, история правления Маркиана (450–457 гг. – *Ред.*) была написана «другими», и один или несколько неизвестных историков опубликовали свои сочинения до появления «Истории» Приска. Во всяком случае, судя по тому, настолько точно Приск описывает многие соглашения с гуннами, становится ясно, что он имел доступ к официальным документам. Кроме того, возможно, что он получал более или менее ценную информацию из бесчисленных речей, панегириков, памфлетов, исторических поэм и тому подобного. Но в целом самое верное предположить, что Приск черпал информацию из бесед с участниками событий, которые он описывал, но на которых лично не присутствовал. Его источником, по всей видимости, был Вигила, переводчик, присутствовавший на тайных беседах Хрисафия¹⁵ и Эдеко, которого евнух пытался склонить к убийству Аттилы.

Мы знаем, что Вигила присутствовал на этих беседах и впоследствии рассказал о них историку. Если представить, что устные источники снабжали Приска основной информацией, то тогда следует относиться к его ссылкам на историю Запада с большой осмотрительностью. Знаменитый отчет о поездке Приска к Аттиле, естественно, попадает в эту категорию. Его отчет такой детальный, можно сказать, поминутный, что мало кто поспорит с утверждением Ходжкина, что Приск вел записи не просто ежедневно, но ежечасно и даже ежеминутно в течение всего посольства к Аттиле. В противном случае как объяснить, что он так точно воспроизводит все детали.

Возможно, Бюри преувеличивает достоинства Приска, когда объявляет его величайшим историческим писателем своего времени. Огорчает тот факт, что в сохранившихся фрагментах сочинения Приска очень мало хронологических отметок, не хватает географических данных, видна некомпетентность Приска как военного историка и т. д. Таким образом, по нашей оценке, выдержки из «Истории» Олимпиодора занимают более высокое место, чем «Византий-

¹⁴ Если Эдеко был германцем, то почему Хрисафий разговаривает с ним через переводчика Вигилу? (*Примеч. авт.*)

¹⁵ *Хрисафий* Этомма – влиятельный евнух в чине кувиклария при дворе императора Феодосия II. Год рождения неизвестен, умер в 450 г. Отличался красивой внешностью и большим корыстолюбием, сохранились слухи о его интимных отношениях с императором. Занял властное положение после конфликта, закончившегося прекращением всяких отношений между императором и его супругой. Принял на себя звание патрона партии прасинов. Активно интриговал против своих соперников, добиваясь безраздельного влияния на слабовольного императора. Был замешан в организации убийства видного византийского военачальника Иоанна-вандала, погубил карьеру популярного в народе префекта столицы и претория Кира, на долгие годы отстранил от власти сестру императора Августу Пульхерию. Пытался подбить германца Эдеко, состоящего на службе у повелителя гуннов, на убийство Аттилы за 50 фунтов золота. Эдеко передал сведения о намерениях византийцев Аттиле, и тот потребовал выдачи Хрисафия. Но конфликт удалось уладить дипломатическими средствами и богатыми дарами, и Хрисафий остался у власти. Карьера Хрисафия закончилась за несколько месяцев до смерти Феодосия II; бывший фаворит по неизвестным причинам был отправлен в ссылку. После смерти Феодосия II Пульхерия выдала Хрисафия на расправу Иордану, сыну Иоанна-вандала.

ская история» Приска. Тем не менее достоинства этого сочинения неоспоримы. Нет необходимости подчеркивать динамичность и живость повествования. Приск, по словам Бюри, мастер рассказа. Нам нет необходимости подробно останавливаться на его умении разьяснять курс дипломатии Византии или на огромном количестве достоверных сведений, содержащихся в работе, когда она существовала в полном объеме. Воссоздание истории Восточной Европы в середине V столетия представляет большую трудность: без фрагментов Приска нам пришлось бы очень непросто. Остальные авторы донесли до нас отдельные факты, имеющие отношение к светским делам этого столетия, и только Приск рассказал нам историю.

5

Кроме летописцев, все последующие историки, сообщавшие нам интересную информацию о гуннах, черпали свои знания из работы Приска. Следовательно, они не требуют особых комментариев на страницах этой книги.

Изданная вскоре после 476 года (фрагмент 42, возможно, не был написан до смерти Василиска) работа Приска получила известность даже на Западе. Об этом говорит Кассиодор, основной источник Иордана. Его долг по отношению к Приску подробно объясняет Моммзен (Теодор Моммзен (1817–1903), немецкий историк Древнего Рима. – *Ред.*). Он отмечает, что все рассказы об Аттиле Иордан взял у Приска, но в них не осталось и следа от Приска. Первое место в «Гетике» Иордана, взятое у Приска, содержит описание характера Аттилы и рассказ о его экспедиции в Галлию, а во втором говорится о смерти Аттилы, похоронах и о распаде его империи. Моммзен замечательно показал превосходство стиля Иордана в этой части его сочинения – яркая характеристика гуннов, красивая песня, исполненная на похоронах Аттилы, скрупулезная мотивация событий, вдумчивость, когда предположение оборачивается замечательным афоризмом, удачными сравнениями. Когда мы постигаем два эти места в работе Иордана, говорит Моммзен, «из мира варваров мы, кажется, возвращаемся в цивилизацию и слышим культурную речь вместо высокопарного стиля монаха из Мёзии». Похвала весьма относительная: Моммзен имеет в виду другие части работы Иордана. Даже в отрывках, взятых у Приска, Иордан демонстрирует свою гениальность в неправильном толковании самого простого рассказа из предоставленного ему источником.

В Восточной империи Иоанн Малала¹⁶ был среди тех, кто ценил работу Приска, но, прочитав ее, пришел к выводу, что Аттила был не гунном, а гепидом.

Эвагрий отдает должное точности, с какой Приск описал жизнь Аттилы, и, хотя замечает, что этот период также освещен другими авторами, но только Приск обнародовал множество фатов, имеющих отношение к светской истории середины V столетия. К сожалению, выражения, заимствованные им у Приска, он без разбора относит к многим авторам (включая себя), поэтому мы не знаем, какие характерные особенности отличают его работу. И наконец, Иоанн Антиох в качестве одного из источников использовал «Византийскую историю», и три его фрагмента совпадают с тремя фрагментами Приска. Это большая удача, поскольку Антиох просто переписал авторитетный источник, сохранив подлинные слова Приска, и, таким образом, помог нам решить важный хронологический вопрос.

Но вот что действительно кажется удивительным, так это то, что Прокопий Кесарийский раскопал факт, который имел печальные последствия для некоторых частей его сочинения. Он связывает наступление великого гунна с 376 годом, *после* заселения вандалами Африки, и сообщает, что осада Аттилой Аквилея произошла *после* смерти Аэция, что, по справедливому замечанию Гиббона, является «непростительной ошибкой». Ученый, изучающий историю гуннов, не может надеяться на большую помощь со стороны Прокопия.

Короче говоря, наша главная задача – восстановить историю Аттилы и гуннов. Хочется надеяться, что после дальнейших исследований археологи смогут внести заметный вклад в наши знания по данному вопросу. Будьте уверены, что мы не просто так рассказываем о той или иной работе о гуннах. Мы хотим узнать, что авторами *сделано*, и если сделано, то где они брали материалы, при каких обстоятельствах это происходило, в каких условиях они работали, чтобы в результате получить законченную вещь. Даже с теми знаниями, которыми мы обладаем на данный момент, нам должно сильно повезти, чтобы познакомиться не только с Аттилой и гуннами, но и с другими варварами-захватчиками V столетия.

¹⁶ *Иоанн Малала* – византийский хронист. Видимо, сириец по происхождению. Биография неизвестна.

Глава 2

История гуннов до Аттилы

1

«Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру». Аммиан Марцеллин не делает никакой попытки вытащить гуннов из азиатской глубины. Он не выдвигает никаких нелепых предположений, связывая гуннов с каким-либо давно известным племенем варваров. В ходе подготовительной работы он крайне редко сталкивался, если это вообще происходило, с таким названием. У него, возможно, было личное мнение о происхождении гуннов, но, если это и так, его мнение основывалось ни на каком-то конкретном свидетельстве, а потому он просто говорит, что они жили там, где они жили, когда история впервые узнала о них. Для Аммиана их история началась в Восточной Европе, к северу или северо-востоку от Азовского моря, и жили они у Ледовитого океана. Он даже не догадывается, почему они покинули родные места.

Где Аммиан боялся сделать шаг, там не задумываясь врывается Евнапий. Существует история, объясняющая первое появление гуннов, которую можно прочесть в любой исторической литературе, относящейся к истории Византии. Эту историю можно найти у Созомена и Зосима, у Приска и Иордана. Затем она появляется у Прокопия Кесарийского и Агафия Миренейского.

Вторжение арабов не смогло остановить ее появление на страницах следующих историков. Ее можно прочесть у Симеона Логотета (именуемого также Симеон Магистр и Симеон Метафраст), в славянской и греческой версиях у Льва Грамматика и Феодосия из Мелитены. Затем она появляется у Цедренуса и, наконец, в начале XIV века в «Церковной истории» Никифора Каллиста. Немного историй подобного рода имели такую долгую жизнь.

Согласно этой истории, готы и гунны долгое время жили рядом, ничего не зная о существовании друг друга. Их разделял Керченский пролив; и те и другие считали, что за горизонтом нет земли. Но однажды быка, принадлежавшего гуннам, ужалил овод, и он побежал через болото на противоположный берег. Пастух бросился за быком и обнаружил землю там, где предполагалось, что ее нет. Он вернулся и рассказал об этом соплеменникам. Существовал и второй вариант истории, согласно которой несколько гуннских охотников, преследуя оленя, перебрались через залив и с удивлением увидели землю «более умеренную по климату и удобную для земледелия». Они вернулись назад и доложили об увиденном остальным гуннам. Был ли бык или олень виновной стороной, но вскоре гунны пересекли пролив и атаковали готов, населявших Крым.

Эта легенда впервые появилась в «Истории» Евнапия, и мы стали счастливыми обладателями фрагмента его работы, где он рассуждает о происхождении гуннов. Евнапий откровенно пишет, что никто не может дать ясный ответ на вопрос о происхождении гуннов и о стране, в которой они жили до того, как отправились завоевывать Европу. С учетом этого он включил в свой труд то, что показалось ему вполне правдоподобным, но потом изменил свое мнение и заменил на более приемлемый вариант. О чем он говорит? Труд Евнапия дошел до нас в отрывках, и в них нет самой легенды. Евнапий, «чтобы не составить сочинения из одних вероятностей и чтобы изложение наше не уклонялось от истины», оговаривается, что использует «сведения, заимствованные из древних писателей, сопоставляя по правдоподобным соображениям, а современные известия взвешивая с точностью» (Евнапий, фр. 41). А. А. Васильев

излишне доверчиво относится к словам Евнапия, когда пишет: «Из отрывка Евнапия (о том, что он будет излагать лишь правдивые истории) видно, что уже в конце IV – начале V века вопрос о первом появлении гуннов в Восточной Европе излагали различно и уже в то время об этом ходили рассказы, которые вызывали сомнения относительно их правдивости. Так как Евнапий лег в основу изложения, по крайней мере, некоторых последующих историков, писавших о гуннском вторжении, то мы почти с уверенностью можем сказать, что легенда об олене или лани, в связи с переходом гуннов на Таврический полуостров, уже находилась в сочинении Евнапия и была именно тем более ранним материалом, который позднее приводил его в смущение». Увы, это не совсем так. Когда Евнапий говорит, что обращался за помощью к древним писателям, то это были не историки, а поэты. Васильев, рассматривая версию легенды, содержащейся в сочинении Созомена, обращает наше внимание на фразу: «...ужаленный оводом бык перешел через озеро, и за ним последовал пастух...» «Ужаленная оводом» взято у Эсхила из мифа об Ио, которая, «ужаленная оводом», бежала из страны в страну. Мы должны согласиться с Васильевым, что вариант с быком не что иное, как «пережиток античного мифа об Ио, в которую влюбился Зевс, и, чтобы скрыть ее от своей жены Геры, превратил в корову». Евнапий поместил в начале своей работы вымышленный рассказ, чтобы объяснить первое появление гуннов, хотя затем изменил свое мнение в свете сообщений о гуннах, полученных им позже. Нет нужды говорить, что эта легенда не дает ответа на вопрос, почему гунны напали на Крым, и непонятно, почему некоторые ученые сделали вывод, что кочевники пересекли Керченский пролив зимой по льду залива. Единственный правильный вывод, который мы можем сделать на данный момент, что в самом начале V века никто точно не знал, как гунны переправились в Крым, чтобы атаковать остготов.

Из более поздних версий истории Евнапия мы можем понять, что он делал несколько попыток идентифицировать гуннов с разными народами, известными в древности. Зосим, опираясь на авторитет Евнапия, говорит, что мы должны идентифицировать гуннов или с «царскими скифами», или с «курносым народом» (Геродот упоминает и тех и других), или мы должны просто предположить, что гунны берут начало из Азии и оттуда пришли в Европу. Филосторг выдвигает дополнительное предположение, которое – мы можем даже не сомневаться – извлечено из сочинения Евнапия. Он склонен отождествлять гуннов с небрами, о которых Геродот говорил как о чуть ли не мифических людях, живших на самом дальнем краю Скифского государства. Во всяком случае, мы можем сказать, что Евнапий делал все возможное для своих читателей. Он высказал по крайней мере четыре предположения о происхождении гуннов, три из которых основывались на соображениях Геродота, и те читатели, которые не согласились хотя бы с одним из этих предположений, по мнению Евнапия, имели очень тяжелый характер.

Теории Евнапия не исключали полностью другие предположения. На этот счет у Павла Оросия¹⁷ было собственное мнение, отличное от Евнапия.

Он упоминает гуннов как живших недалеко от Кавказа и считает, что нет ничего таинственного в их нападении на готов и римлян; совершенно очевидно, что это заслуженное наказание за грехи. Гунны были долго заперты в неприступных горах, но Бог выпустил их как наказание за наши грехи, считает Оросий. Вероятно, многие христиане думали как Оросий, но были и те, кто обратился за информацией к Геродоту, отождествляя гуннов с теми скифами, которые на протяжении двадцати лет взыскивали ежегодную дань с Египта и Эфиопии. (Около 630 г. до н. э. скифы из Северного Причерноморья, пройдя перед этим Закавказье, Сирию и Палестину, вышли к Египту, который сумел откупиться. – *Ред.*) В свою очередь, Прокопий внес свою лепту, предположив, что новоявленные захватчики были не кем иным, как кимме-

¹⁷ *Оросий* из Кордовы – христианский писатель IV–V вв., друг и ученик Августина и Иеронима, автор богословских сочинений и «Истории против язычников», в которой защищал христиан от обвинений в содействии гибели античного мира.

рийцами. (За 50–80 лет до скифов, преследуемые ими, на Ближний Восток вторгались киммерийцы (либо, как и скифы, ираноязычный, либо фракийский индоевропейский народ), но так далеко, как позже скифы, не прошли – громили Урарту, Северную Ассирию, Малую Азию, где в конце концов были разбиты лидийцами. – *Ред.*) На протяжении долгого времени ученые предпринимали отчаянные попытки, стремясь разгадать эту тайну. Константин VII Порфирогенет (Багрянородный) (византийский император Македонской династии, правивший в 908–959 годах) считал, что Аттила был королем аваров и его завоевания привели к основанию Венеции. Еще более любопытным было мнение Константина Манассеса, поэта, который считал, что фараон Сесострис сделал гуннов союзниками и после завоевания Азии отдал им Ассирию (древнее государство на территории современного Ирака) и переименовал гуннов в парфян. В XII веке этот ход мысли привел к логическому выводу Иоанна Цецеса. По его мнению, гунны принимали участие в Троянской войне; Ахиллес прибыл в Трою во главе армии гуннов, болгар и мирмидонцев.

Не принимая во внимание эти последние фантазии, позвольте вернуться к первым из высказанных соображений, поскольку они требуют некоторых комментариев. Действительно ли Евнапий и его последователи отождествляли гуннов с неврами, шимейцами и прочими кочующими народами? Неужели один из высокопреосвященных епископов V столетия, о котором мы еще будем говорить на страницах этой книги, действительно считал, что гунны ели своих родителей? Весьма сомнительно. В то время греческие дознаватели не считали, что в их обязанность входит, подвергая себя опасности, отправляться в степь в поисках истины о кочующих там свирепых варварах. Аммиан и Олимпиодор могли более серьезно подходить к изучению вопроса, чем их современники, но в большинстве случаев ни историкам, ни народу не требовалась абсолютная правда в описании северных кочевников. Однако каждый писатель считал своим долгом продемонстрировать знание произведений классиков, являвшихся наследием его класса. Знание классических произведений отличало образованный класс от остального населения. «Вам хорошо известно, – писал Либаний императору Юлиану в 358 году, – что, если кто-нибудь уничтожит нашу литературу, мы окажемся на одном уровне с варварами», и спустя столетие такие же высказывания делали представители обеспеченных слоев общества. Сидоний¹⁸ пишет своему корреспонденту: «Когда отобрать у нас звания, благодаря которым высшие отличаются от низших, то единственным признаком высшего сословия будет знание литературы».

То, что авторы отождествляли гуннов с массагетами¹⁹, придерживаясь точки зрения Геродота, который упоминал этих кочевников древности, приукрашивали рассказы об их войнах фразами из Тацита²⁰, не является признаком детской доверчивости или невероятной глупости.

Это просто говорило о том, что автор принадлежит тому социальному классу, который Сидоний сравнивает с римским сообществом, по его словам, «единственным сообществом в мире, в котором чужими являются только рабы и варвары».

Но давайте обратимся к готам. У них не было работ Эсхила или Геродота, на которых они бы могли основывать свои предположения. Вместо этого среди них ходила народная легенда, которая сохранилась в сочинении Иордана. Согласно этой легенде, некогда жил король готов по имени Филимер, пятый по счету правитель, после того как готы покинули Скандинавию. Среди своих подданных он обнаружил колдунов, на языке готов алиорумнов. Он изгнал их из подвластной ему страны в безлюдные пространства скифской пустыни. Там нечистые духи,

¹⁸ Сидоний – галло-римский писатель, с 471 или 472 г. епископ в Арвернах (современный Клермон-Ферран, Франция). Его сочинения – ценный источник по истории поздней Римской империи.

¹⁹ *Массагеты* – собирательное название ираноязычных кочевых и других племен Закаспия и Приаралья в сочинениях древнегреческих авторов.

²⁰ *Тацит* (ок. 58 – ок. 117 н. э.) – один из величайших историков Древнего Рима.

странствующие по пустыне, совокупились с ними, в результате чего появилось самое дикое из всех известных племен – «племя маленьких, отвратительных, живущих в нищете полулюдей». Мало кто усомнится, что эту историю рассказывали именно напуганные готы, пораженные свирепостью атаковавших их гуннов.

Принимая во внимание все эти бесчисленные предположения, трудно не восхититься сдержанностью Аммиана, писавшего, что «племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит в своей дикости всякую меру».

2

В то время у историков, писавших для образованной публики, было принято заменять непривычные названия племен и имена варваров на давно знакомые названия и имена, данные Геродотом и Тацитом. Иначе дело обстояло с историками, чьи работы предназначались для чтения монахов и неспециалистов. С ними было бессмысленно говорить о неврах и шимейцах, о которых они никогда не слышали. А вот о гуннах и гепидах слышал каждый. Таким образом, мы часто находим у Иоанна Малала и других писателей, произведения которых читали люди необразованные, названия варварских племен, наводящих ужас, даже если они были неизвестны в те времена, о которых идет речь. Вот почему мы читаем у Иоанна Малала, что Люций Вер (соправитель Марка Аврелия) и император Карл встретили свою смерть в сражениях с гуннами. Мы также читали у неизвестного автора, что Константин Великий пересек Дунай и завоевал земли гуннов. Однако мы можем смело не учитывать эти утверждения. Современные ученые имели обыкновение считать, что, когда Дионисий Перигет²¹ упоминает тохаров, фрунов и варварские племена из Сереса²², он имеет в виду сюнну, которых часто отождествляли с гуннами.

Теперь, опровергнув эту точку зрения, от нее отказались. Дионисий также пишет о племени, живущем у Каспийского моря, называя их уннами. Переписчики изменили неизвестное название с «унны» на «гунны». У Птолемея (книга III, глава 5) мы находим такие строчки: «... между бастарнами и роксоланами живут гунны». Опираясь на эти свидетельства, можно с уверенностью сказать, что в начале II века нашей эры гунны уже поселились в области Понтийского моря, вероятно, между Бугом и Днестром. Но кажется весьма сомнительным, что они могли жить там на протяжении двухсот лет и римляне ничего не знали об их существовании. Если они соседствовали с бастарнами и роксоланами, почему их появление в конце IV века вызвало такое удивление? С другой стороны, Птолемей поместил их в очень неожиданном месте, если на самом деле они были предками гуннов, которые, вне всякого сомнения, поселились в бассейне Кубани или рядом, когда о них впервые узнали готы. Можно предположить, что сходные названия «унны» и «гунны» просто совпадение. Следует заметить, что, хотя западные римские писатели часто упоминают гуннов, никто из восточных римских писателей не употреблял гортанно звучащих букв в начале названия.

Безотносительно от сведений, полученных у Птолемея, нам не следует слишком решительно отбрасывать предположение, что персы и римляне сталкивались с гуннами уже в 363 году. В том же году Иовиан²³ подписал мирный договор с Шапуром, шахом сасанидского Ирана.

В договоре предусматривалось, что римляне и иранцы должны объединить усилия в строительстве укреплений в проходах Кавказских гор, чтобы защитить Армению от вторжения «варваров, которые неизвестны ни нам (римлянам), ни персам» (иранцам. – *Ред.*). Эти варвары не были теми гуннами, которые позже вторглись в Европу; это были кидариты, или черные гунны. Не только происхождение настоящих гуннов, но и их перемещение и деятельность до последней четверти IV столетия остаются для нас такой же тайной, какой они были для Аммиана Марцеллина.

²¹ Дионисий Александрийский, прозванный *Перигет*, то есть сочинитель перигезы, автор греческих дидактических поэм.

²² *Серес* – самое раннее название, под которым Китай был известен в Римской империи («Серес» от латинского «серикус» – «шелк»).

²³ *Иовиан* Флавий Клавдий – римский император, родился около 331 г., один из военачальников свиты императора Юлиана, после смерти которого в 363 г. провозглашен императором, восстановил господствующее положение христианства в империи. Умер в 364 г.

3

В 376 году римские военачальники, командовавшие гарнизонами на Дунае, получили донесения, что среди северных варваров началось необычно сильное оживление. Сообщалось, что все народы от Тисы до Черного моря пришли в волнение. Дикий народ необычайной свирепости вселил в людей такой страх, что они в спешке покидают свои дома. Римские военные отнеслись к этим сообщениям равнодушно. Их опыт подсказывал, что не следует ждать каких-то исключительных событий. Но слухи продолжали распространяться, и, наконец, на северном берегу появились первые беженцы; они просили защиты у империи. К первым беженцам присоединялись все новые и новые, пока на берегу не собрались огромные толпы людей. Римские военачальники ошиблись. Империя Эрманариха²⁴ пала перед гуннами.

Эрманарих был не первой их жертвой. Еще раньше гунны подчинили аланов. Западной границей территории, занимаемой аланами, служил Дон; о восточных границах их расселения в Римской империи сведений не было. Аланы были типичными кочевниками и каждую весну перегоняли свой скот на новые пастбища. У них не было храмов. Они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю (как и родственные им и тоже ираноязычные скифы. – *Ред.*). Аланы отличались тем, что не были знакомы с институтом рабства²⁵.

Аланы часто устраивали набеги на Боспорское царство, и даже на Армению и Мидию, так что римляне считали их, как и других кочевников, неукротимыми воинами. Но теперь их победили. Нет письменных свидетельств, при каких обстоятельствах и когда аланы стали подданными гуннов. Нам только известно, что, перед тем как подчиниться гуннам, огромное количество аланов было безжалостно убито.

---

²⁴ Эрманарих (Германарих) – король остготов из рода Амалов; предводитель возникшего во второй половине IV в. в Северном Причерноморье обширного племенного союза во главе с остготами; покончил с собой в 375 г.

²⁵ Они не понимали значение слова «рабство». (*Примеч. авт.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.